

ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.111

Н. В. Крицкая

ФЕНОМЕН АНГЛИЙСКОЙ БАСНИ В ЖАНРОВОМ И ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Басня приобретает широкую популярность в Англии в период гражданских войн и становления буржуазного государства (сер. XVII – сер. XVIII вв.). Не рассматриваясь в качестве полноправного литературного жанра, басня играла в обществе функциональную роль, позволяя авторам высказывать мнения по поводу социальной и политической ситуации в стране.

Ключевые слова: *английская басня, функциональность, социально-политическое урегулирование.*

Английская басня – сравнительно малоизученный жанр даже в англоязычном литературоведении. Несмотря на универсальность общеевропейских тенденций, отношение к басне в Англии было специфичным: как не вызывает сомнения широчайшая популярность жанра не только в литературной, но и в повседневной культуре страны XVII–XVIII вв., так очевиден и тот факт, что английская басня не заслужила того уважения критиков, которое снискала басня европейская. Более того, если в континентальной Европе басня безоговорочно признавалась жанром (хотя и малым, никогда не претендовавшим на величие эпоса или драмы), то в Англии не произошло и этого; в то время как французские и немецкие критики писали многочисленные ученые трактаты и спорили о происхождении, сущности и приемлемой форме басни, Р. Додсли, автор единственного английского теоретического эссе «О басне» (1761), начинает и заканчивает его с извинений за обращение к такой малости [1]. Характерно, что, несмотря на признание стихотворных басен «английского Лафонтена» Джона Гея лучшими в своем роде [2], английские критики никогда не рассматривали их в качестве серьезной творческой работы. Так, авторы «Истории английской и американской литературы в 18 томах» (1907–1921), включая Гея в раздел «Менее заметных поэтов» тома, посвященного литераторам «от Стила и Аддисона до Поупа и Свифта», лишь вскользь упоминают о его баснях, уделяя большее внимание пасторалям, пародиям и «Опере Нищих» [3]. Подобное пренебрежение даже лучшими образчиками английских басен еще раз доказывает факт их минорного положения в национальной литературе.

Вместе с тем все исследования свидетельствуют о том, что на протяжении примерно столетнего периода, последовавшего за гражданскими войнами (1642–1645, 1648), в стране публикуются сотни отдельных произведений, басенных коллекций и биографий Эзопа. Говоря о популярности басни в этот период, исследователи используют красноречивые

термины *craze* [2], *Aesop-craze*, *fable-craze* [4] – «мания», «одержимость», *torrent* [5] – «поток». По Д. Льюис, «цензоры эпохи поздних Стюартов и священники-либералы, сатирики и ученые, учителя танцев и деканы, литературные поденщики Граб-стрит и авторы возвышенных “любезных” произведений – все нашли в своих сочинениях место для коротких моралистических рассказов о животных» [5, с. 7]. Дж. Аддисон в 1711 г. имел полное основание говорить о замечательной устойчивости жанра среди конкурирующих течений современной ему английской культуры: «...басни остаются высоко ценимыми не только во времена Великой Простоты, но и на протяжении самых Любезных Веков Человечества» [6].

Английские исследователи во многом объясняют эту «высокую ценность» напряженной общественно-политической ситуацией: именно десятилетия расцвета басни были наполнены энергичными, непрерывными и многочисленными спорами по поводу английской общественной и политической жизни. Иными словами, басня расцвела в Англии, как она «всегда расцветала в периоды, требующие идеологической ясности» [7, с. 16]. В стране изобиловали политические и социальные басни, как импортированные из Европы, так и отечественные. Образчиком популярной переводной литературы может служить переведенная с голландского книга «Fables Moral and Political» (1703), пестрящая ссылками на современность; в предисловии к изданию анонимный автор, предлагая читателям «интерпретировать басни как угодно», все же подсказывает направление рассуждений: монархическая тирания угрожает Европе порабощением, и «все либеральные науки и искусства, добродетели и свобода индивидуумов» обречены на вымирание (цит. по: [4, с. 30]).

Вероятно, всеобщему увлечению сочинением басен в немалой степени могло способствовать традиционное поощрение «любителства» в английской культуре, тем более что жанр предъявлял к своим создателям сравнительно немного требований: клас-

сическая басня проста и кратка, и любой писатель средней руки мог попробовать в ней свои силы, не угрызаясь комплексом «профнепригодности». От басни никогда не требовалось тонкости, философской глубины или поэтического лиризма; более того, эти качества неоднократно критиковались как отступления от ее магистральной цели. мода на басни шла рука об руку с бурным развитием журналистики. «Баснемания» вызвала спорадический рост дешевых буклетов, обычно украшенных именем Эзопа; в большинстве анонимные, все они содержали вирши, имеющие отношение к современным политическим событиям, или же представляли собой облаченные в басенную форму описания скандальных происшествий, служа посредниками для обменивающихся ядовитыми комментариями остроумцев. Чтобы получить представление о множественности подобных буклетов, можно перечислить лишь несколько названий: «Эзоп в Эпсоне», «Эзоп в Бэйсе», «Эзоп в Танбридже», «Эзоп возвращается из Танбриджа», «Старый Эзоп в Уайт-Холле дающий наставление молодым Эзопам в Танбридже и Бэйсе» и т.п.; кульминацией серии стал сборник «Эзоп в Амстердаме, сопоставляющий Эзопов в Танбридже, Бэйсе, Уайтхолле и других местах».

Не все авторы книг с подобными названиями желали остаться безвестными. Так, памфлет «Эзоп в Париже» (1701) был написан Бернардом Мандевилем и представлял собой переписку Эзопа с басенными персонажами, сфокусированную на грозящем войной политическом кризисе на континенте. В следующую книгу басен, «Aesop Dressed» (1705), явившуюся одним из первых английских переводов Лафонтена, автор включил несколько оригинальных басен. В этом же году появляется еще одна басня Мандевиля, «Ворчащий улей» («The Grumbling Hive»), позже превратившаяся в знаменитую и многократно переизданную «Басню пчел» («The Fable of Bees»), которой со временем было суждено перерасти в обширную экономическую теорию.

В начале столетия появляются и другие сатирические и полемические басни; несколько из них написано Д. Свифтом в период 1712–1728 гг. Басни во множестве содержались и в памфлетах либералов, и в периодике консерваторов. Как будто для того, чтобы объявить пригодность басни для такого культурного «поля боя», в период между 1651 и 1730 гг. двумя самыми популярными собраниями басен стали «Fables of Aesop and Other Eminent Mythologists» (1692, 1699) сторонника Стюартов Р. Л'Эстранжа (L'Estrange) и «Fables of Aesop and Others» (1722, 1728) сторонника Ганноверов С. Крокселла (Croxall). Акме жанра в Англии, басни самого известного ее фабулиста Д. Гея, также не лишены социального акцента. Если басни первой книги (1727) главным образом назидательны, то басни второго тома (1738) остро социальные и имеют отношение к серьезным

политическим вопросам, подразумевая своими персонажами коррумпированных политиков, социальных паразитов и глупцов. И, начиная повествование с привычных слов «In days of yore...» – «Давным-давно...», автор тут же саркастически объясняет причину этому – «my cautious rhymes / Always exopt the present times» [8, с. 135] – «мои осторожные рифмы никогда не касаются настоящего момента». Современники и коллеги Гея по басенному жанру Д. Драйден (Dryden) и Э. Финч (Finch) также использовали эзопов метод для высказывания своего мнения по поводу политики, из которой они по различным причинам были исключены; басни, однако, позволяли каждому из них продолжать принимать участие в литературной жизни страны и в аллегорической форме ставить те самые вопросы о культурном влиянии, которые они не могли поставить по причинам политическим. Таким образом, басни оказывались посредниками, выражающими мнение самых достойных носителей культурного влияния, все более воспринимаясь в качестве «арбитров потенциально опасных общественно-политических различий» [5, с. 5].

Очевидность политического и социального подтекста басен Гея, Драйдена и Финч делает их характернейшими для английской баснописи в целом. А. Паттерсон считает, что в Англии басни были доступными практически для любого члена политического спектра [9, с. 15]. По мнению Я. Фучс, басни, как правило, высказывались в пользу тех, кто «уже имел некоторую власть, но хотел иметь большую» либо тех, кто «потерял власть и хотел ее вернуть» [10, с. 370]. Д. Льюис, однако, подчеркивает способность басни скорее быть посредником между противоположными сторонами: «Как очевидна завуалированность басни, так очевидно и то, что она пылко преследует единственную чрезвычайно предвзятую точку зрения, в то же время приглашая делать ассигнования, сталкивая конкурирующие интересы» [5, с. 5].

Стремление видеть в басне не столько литературное произведение, сколько «культурно-формирующую функцию» [9] проявляется в многочисленных комментариях и предисловиях, которые давали авторам возможность высказать свое зачастую небеспристрастное мнение по поводу творчества их предшественников или современников, а также дискредитировать идеологических противников. Так, С. Крокселл, комментируя сборник басен своего политического оппонента Л'Эстранжа и практически опуская художественные достоинства книги, в то же время характеризует ее содержание следующим образом: «...если кормить детей этими баснями, они вырастут морально истощенными», т. к. эти произведения «подрывают мораль и патриотический дух британского юношества и разрушают британское государство и церковь» (цит. по: [4, с. 36]). Распространенность таких политических наскоков дала возможность Гею заметить в заключение к одной из басен: «No author ever

spared a brother; Wits are game cocks to one another» [8, с. 30] («Ни один автор не пощадит своего собрата: люди острого ума задирают друг друга, как боевые петухи»).

Таким образом, функциональное отношение к басне было в большой степени характерно для английской культуры, осознающей политическую и сатирическую целенаправленность необходимым компонен-

том жанра. Видимо, именно этот акцент на «утилитарность» басни и ее частое использование политическими дуэлянтами и литературными поденщиками, с одной стороны, увеличивая ее популярность, с другой стороны, препятствовал росту литературного престижа и спровоцировал преждевременное угасание некогда продуктивного жанра, изношенного столетием интенсивной эксплуатации.

Список литературы

1. Dodsley R. An Essay on Fable // Alpha Library. Esop's Fables. Together with the Life of Esop. Chicago and N.-Y., 1897. P. 26–39.
2. Smith M. E. Notes on the Rimed Fable in England // Modern Language Notes. Vol. 31. No. 4 (Apr. 1916). P. 206–216.
3. Seccombe T. John Gay and his early literary efforts [Электронный ресурс] // The Cambridge History of English and American Literature : in 18 Vol. Cambridge, 1907–21. Vol. 9. URL: <http://www.bartleby.com/218/0803.html> (дата обращения: 20.10.2007).
4. Noel T. Theories of the Fable in the Eighteenth Century. N.-Y. and L., 1975. 170 p.
5. Lewis J. E. The English Fable : Aesop and Literary Culture, 1651–1740. Cambridge, 1996. X + 234 p.
6. Addison J. Spectator. 1711. No. 183. Sept., 29. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/12030> (дата обращения: 15.11.2007).
7. Stewart S. Notes on Distressed Genres // The Journal of American Folklore. Vol. 104. No. 411 (Winter, 1991). P. 5–31.
8. Fables by John Gay. With Upwards of One Hundred Embellishments. L., 1849. 211 p.
9. Patterson A. Fables of Power. Aesopian Writing in Political History. Durham and L., 1991. 177 p.
10. Fuchs J. Review. Reviewed work: Fables of Power by Annabel Patterson // Eighteenth Century Studies. Vol. 25. No. 3. P. 369–372.

Крицкая Н. В., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: nadia66@mail.ru

Материал поступил в редакцию 29.01.2010

N. V. Kritskaya

THE PHENOMEN OF ENGLISH FABLE IN GENRE AND FUNCTIONAL ASPECTS

The fable enjoys striking popularity in England in S XVII – S XVIII centuries, during the Civil Wars and settling of the bourgeois society. Being never considered as a competent literary genre, the fable was generally used by authors as a function which let them announce their social and political views.

Key words: *English fable, function, social and political regulation.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634061.

E-mail: nadia66@mail.ru